

Я.В. Возный

ВОСПОМИНАНИЯ ОТ ЯКОВА

Встреча в коридоре. «Вид, конечно, у Вас троглодитский, – улыбнулся Шеф, встретив меня, сильно окрепшего после летних работ на лесосплаве. – Что с изомеризацией аллиловых ортоэфиров в пропениловые?». Такой подход был характерным для Шефа. Мгновенный

переход от шутки к делу и наоборот. «Что говорит ваш Учитель?» – продолжал он, а Учителем с легкой руки Ивана Обручникова мы называли руководителя нашей синтетической группы Алексея Феодосьевича Бочкова. «Учитель сказал, что у нас нет трихлорида родия, чтобы сделать комплекс с трифенилфосфином для изомеризации», – пожаловался я. «Хорошо, родий я найду у катализаторов, поработаю ради такого дела снабженцем», – обнадежил Шеф. На следующий день из лаборатории катализа принесли необходимый трихлорид родия, который мы тут же запустили в синтез.

Боевое крещение. Любимой поговоркой Ивана Обручникова была цитата из трудов В.И. Ленина: «Нам нужна мерная поступь железных батальонов пролетариата...». Применительно к нам, салагам, Виталию

Бетанели и мне, это означало, что надо вести планомерное наступление на ортоэфиры сахаров вплоть до полной их капитуляции, применяя всю имеющуюся мощь Института органической химии. Иногда это получалось, а иной раз накопленная мощь прорывалась наружу...

Ване позарез нужен был диизопропиловый эфир, он нигде не мог его найти. Наконец, принес откуда-то из старых запасов Института, очень замшелый. Промыл его чем-то от перекисей и стал аккуратно перегонять. Тут-то нам, молодым и необстрелянным, представился случай понять, как чутко Иван Викторович чувствует вещество. За секунду до оглушительного взрыва, когда зашедшая в гости Татьяна Соколовская буквально осела на пол, Иван Викторович, взглянув на колбу, мгновенно осознал намерение, непреодолимый позыв диизопропилового эфира, рывком закрыл тягу и отскочил от нее метра на три. После того, как дым рассеялся, мы увидели опавшие стекла вытяжных шкафов, испещренный осколками кафель, пробитые навывлет соседние колбы и всех нас без единой царапины.

И.В. Обручников

Иных уж нет, а те далече. Нас, работавших в большой угловой комнате № 414, было человек 20. Некоторые недолго проработали в химии углеводов, но я запомнил их на всю жизнь и многому у них научился. Валю Сняткову, впервые синтезировавшую трициклический ортоэфир глюкопиранозы. Андрюшу Коста, с которым я познакомился на целине в студенческом строительном отряде, предложившего метод флуоресцентной модификации нуклеозидов. Красавицу Азу Абаеву, имевшую несчастье сломать ногу в лыжном походе Лаборатории. Володю Дашунина, отсидевшего срок в сталинских лагерях. Он обнаружил самую первую ссылку на тииортоэфиры сахаров и обратил мое внимание на этот класс соединений. Валерию Лубошникову (Ляльку Калиневич) с ее очень эмоциональным отношением к веществу и окружающим людям. Володю Дерябина – он хорошо рисовал и на конкурсе молодых ученых блестяще доложил свою работу «Амидосульфаты моносахаридов»; графика его слайдов просто гипнотизировала. Все помнят, как классно он оформил приглашение на празднование 20-летия лаборатории, когда с небосклона открытки светил нам месяц с профилем мудрого Шефа.

Я.В. Возный и В.М. Калиневич. 1987 г.

Помню их очень молодыми. А еще вспоминаю, какими молодыми и симпатичными были наши женщины – Неля Малышева, Людочка Мирошникова, Наташа Чекарева, Таня Дружинина, Лида Гринева, Соня Сенченкова, Наргиз Байрамова, Галя Смирнова, Галя Кикоть, Света Яровая...

Большие надежды подавали трое однокурсников – Володя Чернецкий (попал к нам, в группу Бочкова), Слава Львов и Юра Книрель, которые тогда вошли в группу Бори Дмитриева. За ними появились Миша Овчинников и Андрей Николаев. Ничуть не хуже предшественников смотрелись Юра Цветков и Коля Балан, пришедшие через пару лет к Леону Бакиновскому. Тогда же в лабораторию органично вписался молодой кандидат наук Леня Данилов. Лаборатория была на подъеме, впереди новые проекты, жить было интересно...

Армянская лаборатория. Шеф, как известно, был очень крут, и его решения часто драматически сказывались на судьбах людей. После защиты кандидатской диссертации, а иногда и раньше, многим становилось как-то тесно в Лаборатории, и они уходили. А уходить тогда по большому счету было некуда.

Мне повезло. Армен Анушаванович Галоян, директор Института биохимии АН АрмССР, предоставил возможность работать в одноэтажном здании армянской лаборатории на Новобасманной улице. Из «наших» в качестве посетителей там были Коля Нифантьев и Аня Шмырина. Мне часто приходилось приезжать в ИОХ. У Тани Дружининой всегда можно было попить чай, а за чашечкой чая в ходе дружеской беседы создавалось впечатление, что я опять в Лаборатории и никуда не уходил.

Наши ребята не потеряются. Вспоминаю 1993 год, когда я вернулся из США и снова поступил на работу в ИОХ в лабораторию Анатолия Ивановича Усова. В то время контраст с Америкой был разительным – повсюду озабоченные лица, в автобусах часто вспыхивали ссоры, люди были обеспокоены одним – как выжить. Этот же вопрос преследовал всех и в Институте. У Лени Лихошерстова и Оли Новиковой собирались на обед, варили суп, устраивали общую трапезу, беседовали, но насчет будущего сомнения были.

В Институте все время что-то продавали. Один раз привезли говяжью тушу, и надо было ее разделать на небольшие части, чтобы обеспечить желающих принести домой немного мяса. Помог мне в этом деле летний сезон, давно проведенный в Якутии в качестве рабочего геологической партии, когда надо было бить шурфы, чистить пойманную рыбу и однажды даже свежевать убитого на охоте сохатого. Мы вдвоем с Алешей Демченко, тогда еще совсем молодым, с задачей справились, проделав эту малосимпатичную работу. Сейчас Алеша в Америке, там каждый занимается своим делом, но мне почему-то кажется, что если наступят трудные времена для Америки, рецессия или еще что-то в этом роде, то он не пропадет. Так же, как не пропадут находящиеся в «длительной заграникомандировке» Женя Виноградов, Паша Китов, Сережа Непогодьев, Андрюша Николаев, Миша Ермоленко, Виталий Бетанели, от которого, правда, давненько нет вестей, и другие наши ребята.